

УДК 330.101.22
JEL D63

Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России

ГРИГОРЬЕВ ЛЕОНИД МАРКОВИЧ,

*ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
lgrigor1@yandex.ru*

ПАВЛЮШИНА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

*советник управления научно-исследовательских работ Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, стажер-исследователь Банковского института НИУ ВШЭ, соискатель НИУ ВШЭ, Москва, Россия
pa_victoria@mail.ru*

Аннотация. Неравенство как проблема развития стало одним из основных научных интересов в мире в середине XX в. Международное сообщество признало важность проблемы, включив ее в соглашение ООН 2015 г. по Целям устойчивого развития. Российское неравенство вышло из трансформационного кризиса 1990-х гг., падения ВВП на 43% и специфики приватизации. В 2000-х гг. социальное неравенство отличается ригидностью, несмотря на экономический рост. Поскольку значительное застойное неравенство негативно сказывается на росте и состоянии общества, его снижение важно в долгосрочном плане и должно стать в будущем частью стратегии страны.

Ключевые слова: экономический рост; социальная структура общества; неравенство по доходам.

Social Inequality as a Problem of Russian Economic Strategy

GRIGORYEV L.M.,

*PhD in Economics, Tenured Professor, Head of the International Economy Department of the Higher School of Economics, Chief Advisor to the Head of the Analytical Center of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
lgrigor1@yandex.ru*

PAVLYUSHINA V.A.,

*Adviser to the Department of Research Projects of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, intern-researcher of the Banking Institute of the Higher School of Economics, applicant of the Higher School of Economics Moscow, Russia
pa_victoria@mail.ru*

Abstract. Inequality as a development issue came to the central field of scientific interests in the world in the middle of the 20th century. Recently the international community recognized the importance of the problem by including it as one of the goals in the UN2015 agreement on the goals of sustainable development. The Russian inequality was formed during the transitional crisis of the 1990s mostly due to the fall in GDP by 43% and the specifics of privatization. In 2000s social inequality is marked by rigidity, despite economic growth. Since significant inequality adversely affects the growth and society, its decline is important in the long term and should become a part of the country's strategy in the future.

Keywords: Economic Growth; Social Structure; Income Inequality.

В трудах праведных не проживешь палат каменных.

Русская народная мудрость

Стратегии развития и проблема неравенства

За четверть века трансформации Россия видела много попыток написать большую долгосрочную Стратегию развития страны, но сама трансформация складывалась фактически в основном частными решениями и программами. Правда, большинство программ были «заказаны сверху» и привязаны во многом к тому моменту, в котором были обдуманы и предложены: тот или иной экономический кризис или падение цен на нефть (лишь стратегии 2001 и 2013 гг. готовились в расчете на стабильное состояние внешнеэкономических факторов роста). Первая программа трансформации — «500 дней» 1990 г. — также производилась в условиях общественного и экономического кризиса [1]. Постоянные кризисы на пути страны происходили при сложнейшем разнообразии групп интересов [2]. Это превратило нашу историю из реализации большой задачи в цепочку частичных попыток реализации комплексной задачи. Ретроспективно большие программы обычно служат формой осмысления рисков, вызовов и угроз страны, но в части применения доминируют меры стабилизации социально-экономической ситуации, чаще макроэкономические и налогово-бюджетные (в зависимости от цен на нефть).

При быстрых изменениях политической конъюнктуры к выработке, осознанию и принятию реформ обычно не успевали подключиться граждане. В Центральной и Восточной Европе все было намного проще, поскольку уход от коммунистической идеологии замещался присоединением к общеевропейским ценностям вне анализа деталей — на эмоциях. Сознательное принятие реформ должно было включать в себя и согласие с определенными издержками. При трансформационных реформах логично ждать больше «справедливости» по сравнению с плановым хозяйством, которое постоянно давало поводы усомниться в своей «эгалитарности». Как ни парадоксально, субъективное требование большей справедливости стало частью процесса, который объективно привел к большому социальному неравенству.

Переход к рынку и частной собственности, разумеется, должен был породить неравенство распределения богатства и доходов. Ваучерная при-

ватизация создавала иллюзию равенства шансов на старте, но ненадолго [3]. На фоне реалий приватизации и одновременного глубокого кризиса в 1990-х гг. (падение ВВП на 43%, высокая инфляция и безработица) позитивные приобретаемые ценности в сфере общественной жизни оказались под тяжелейшим давлением. Тогда и в последующие десятилетия вопрос о неравенстве, бедности и богатстве обсуждается социологами, политологами, статистиками и политиками. Это относится к вопросу о крупной частной собственности и социальном неравенстве. Проблема собственности и ее характер имеет свою историю — эти вопросы авторы в данной работе практически не затрагивают, но им хотелось бы подчеркнуть важность проблемы социального неравенства и «закрепить» за ней место в будущих программах.

В 2000-х гг. эффект воздействия кризисного социально-экономического (и политического) фона на создание реформаторских программ очень серьезен — более, чем кажется на первый взгляд. Во-первых, широкая публика (или политические заказчики) ждет быстрого решения своих проблем, что оказывает давление не только на политические параметры процесса, но и на интеллектуальные аспекты творчества разработчиков. Во-вторых, срочность и ограниченность ресурсов времени на разработку относится не только к качеству, но прежде всего к согласованию целей, инструментов (потерывыигрышей участников) с явными и потенциальными участниками и стейкхолдерами. Поиск компромиссов откладывается на потом, и программа оказывается подготовленной в интересах неполного или ограниченного числа участников. В-третьих, среди разработчиков программ всегда находятся радикалы, которые верят в простые решения, использование «окна возможностей». Они готовы «возглавить движение», а потом уж разбираться в сложностях проблемы. Со временем новые специфические особенности экономической системы закрепляются, в частности структура собственности, характер корпоративного контроля и социальное неравенство.

В результате становится очень сложно предлагать решения, которые не обещают немедленного положительного результата, а требуют сложных компромиссов и терпения. Тем более, слабо востребованы предложения, которые нарушали бы (или выглядели как угроза нарушения) интересы важных групп. Строго говоря, защищая свои групповые интересы, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. наши

элиты не справились с переходом СССР (в отличие от Китая и ряда других стран) к рынку и демократии и допустили процесс распада страны вместо ее трансформации.

Этот экскурс в технологию реформ важен особенно тем, что в процессе стратегического планирования на следующие десятилетия необходимо понимать, что характер и глубина неравенства в стране являются тормозами для развития как экономического, так и социально-политического. Ряд сложнейших долгосрочных проблем так и не находят своего отражения в стратегических планах реформ в мире. Реформы, направленные на снижение неравенства, — едва ли не самые сложные, учитывая, что они касаются не только перераспределения доходов, но проблем собственности, сбалансированного роста, выхода в постиндустриальное общество.

Исследования по неравенству имеют свою историю, однако до настоящего момента экономисты не пришли к выводу об однозначности влияния неравенства на экономический рост. Некоторые исследования показывают, что умеренное неравенство в развитом государстве часто может положительно повлиять на экономический рост в краткосрочном периоде. Это обычно происходит во время индустриализации [4]. С ростом благосостояния в развитых странах при высокой степени социальной защиты низшие слои населения получают социальные перечисления. Поскольку наиболее бедные, получающие помощь, большую часть своих доходов тратят на потребление, а не на сбережения, то это в краткосрочном периоде повышает совокупный спрос. Такая модель может быть характерна и для развивающихся стран, например для Бразилии первого десятилетия XXI в., однако быстро исчерпывается, и страна попадает из одной ловушки среднего уровня развития в следующую [5]. Рост потребления расширившегося среднего класса без модернизации производства, без сдвигов в социальной структуре и повышения уровня демократии, без уменьшения коррупции оказывается недостаточным для устойчивого социального развития.

При неравном распределении доходов «забота» о низших слоях населения ложится на государство, которое перенаправляет часть финансовых потоков на помощь и поддержку бедных и тормозит развитие. То есть получение «ренты на гражданство» выгодно для жителей, но в целом, косвенно, все-таки тормозит темпы экономического роста [6]. По этой же причине снижаются инвестиции в человеческий капитал, что подтверждает стати-

стический анализ. Исследования МВФ показывают, что для роста важен характер распределения доходов. При этом повышение уровня благосостояния бедных и среднего класса на 1 процентный пункт может привести к повышению темпов роста ВВП на целых 0,38 процентного пункта. Также в случае высокого неравенства перед государством стоит вопрос о выборе между плоским перераспределением и минусом высоких ставок налогов. Заметим, что для высокого роста экономики важно увеличение заработанных доходов, открытые возможности для карьеры — сильные вертикальные лифты в обществе. Перераспределение же доходов с целью выравнивания потребления относится в основном к борьбе с бедностью, но его более важный (стратегический) аспект — в выводе нижних социальных слоев из ловушки бедности и закреплении их способности зарабатывать, а не просто получать от общества ресурсы существования.

Неравенство по доходам, как и неравенство по богатству, росло с 70-х гг., причем даже в развитых странах, в особенности в США. «Неравенство достигло той стадии, на которой оно перестало быть эффективным, но превратилось в серьезную помеху для развития», — пишет Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, показывая также, что «в обществах с подобными (высокими) показателями неравенства не может быть эффективного функционирования систем, а экономика не может иметь ни стабильного, ни устойчивого характера в долгосрочной перспективе. Когда в обществе та или иная группа по интересам сосредотачивает в своих руках слишком много сил, действия этого общества направлены на обслуживание таких групп и лояльность к ним, вместо лояльности ко всему обществу в целом» [7].

Общая дискуссия по этому вопросу началась сравнительно недавно. Эксперты Всемирного банка в своих докладах отмечают, что отставание темпов роста доходов наименее обеспеченного слоя населения от средних показателей роста должно стать предметом дискуссии в мировом сообществе, в том числе и потому, что оно характерно как для развитых, так и для развивающихся стран (табл. 1). Крайне сложно сменить статус страны со средним уровнем дохода на более высокий при сохранении высокого уровня неравенства. Этой проблеме была посвящена специальная работа ОЭСР, показавшая характер неравенства в развитых странах [8].

Проблема стала особенно широко обсуждаться после выхода книги Т. Пикетти, в которой сформулировано важное положение: «Если норма отдачи на

Таблица 1

Показатели неравенства в странах, 2015 (или последний доступный)

Страна	Коэффициент Джини	Доля дохода 10-го дециля, %	Страна	Коэффициент Джини	Доля дохода 10-го дециля, %
Бразилия	57	45	США	41	30
Россия	42	34	Великобритания	36	29
Индия	35	30	Италия	36	27
Китай	42	31	Канада	34	26
Южная Африка	63	51	Япония	32	25
Аргентина	49	36	Германия	28	22
			Франция	33	25

Источник: Всемирный банк.

капитал остается значительно выше темпов роста на протяжении длительного периода времени (вероятность чего повышается, хотя и не обязательно, в периоды низкого роста), то сильно повышается риск отклонений в распределении богатства» [9]. В долгосрочном плане стойкое сохранение неравенства означает, что у бедных и даже нижних слоев среднего класса оказывается меньше возможностей получить качественное образование и реализовать свои предпринимательские мечты. От этого страдают производительность труда и экономический рост. В то же время неравенство негативно влияет на рождаемость. Разумеется, для массы трудящихся сохраняются основные каналы повышения своего благосостояния — образование, перемещение в перспективные отрасли, рациональное управление расходами и сбережениями. Однако в это же время более состоятельные слои, судя по статистическим данным, богатеют, причем, не путем получения зарплаты. Отметим здесь, не вдаваясь в подробности, что высокая норма дохода на капитал еще не указывает, к каким именно стратам общества переходят эти доходы, как они реинвестируются в активы и что происходит с дополнительным доходом активов.

Отметим также, что в ряде стран задача по снижению социального неравенства является политически закрепленным решением. Так, например, на XVIII съезде КПК (2012 г.) премьер Госсовета КНР Л. Кэцян выделил содействие социальной справедливости как одно из приоритетных направлений развития. В России проблема неравенства упомянута в Концепции долгосрочного социально-экономиче-

ского развития Российской Федерации до 2020 года (КДР). Причем, если в КДР большой упор делался, в том числе, на снижение регионального неравенства, то в «майских указах» 2012 г. господствует программно-отраслевой подход и попытка поднять статус и доход отдельных категорий трудящихся. Однако признания проблемы недостаточно без характеристики самой проблемы, оценки параметров и поиска средств решения проблемы. Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев в своей статье указывает, что неравенство «не вызывало особой тревоги в условиях устойчивого и динамичного роста», но теперь «становится источником экономической и политической нестабильности» [10].

Проблема социального неравенства вернулась в последние годы — после длительного перерыва на борьбу с коммунизмом — из круга ученых дискуссий в центр исследований устойчивого развития и политический дискурс. Этот позитивный шаг — от относительно узкой (хотя важной) темы борьбы с бедностью — ставит вопрос об устойчивости развития мира в широком смысле слова, включая социальную структуру в целом как фактор роста и развития. Для стран со средним уровнем развития характерно высокое неравенство, которое является естественным элементом «ловушки среднего уровня развития». Для выхода в постиндустриальное общество с высокими технологиями, устойчивой демократией потребуется решение проблемы высокого неравенства.

Россия подписала Соглашение ООН 2015 г. о «Целях устойчивого развития» (ЦУР), в котором цель

№ 10: «Сокращение неравенства внутри стран и между ними». Теперь это мировая цель, хотя не очень четкая, оставленная каждой стране на собственную интерпретацию. Никто уже не оспаривает негативные последствия высокого неравенства для развития хозяйства, устойчивости социальной структуры и демократии.

Россия — формирование неравенства в пореформенный период

Мировое сообщество характеризуется огромным разнообразием, которое, к сожалению, включает в себя и колоссальное неравенство. Цель № 10 ООН предполагает снижение неравенства как внутри стран, так и между странами, но динамические процессы между странами в случае России определяются в последние десятилетия затяжным транзитивным кризисом 1990-х гг. с падением ВВП на 43% [11].

Современное российское неравенство сформировалось в 1990–2000-е гг. Так что наше место среди стран мира по ВВП (ППС 2011 г.) на душу населения теперь определяются собственными колебаниями и соотношением с мировыми трендами роста. После падения до 9,2–9,9 тыс. долл. США ВВП на душу населения в 1990-х гг. в 2016 г. показатель достиг 26,5 тыс. долл. США. Но трансформация началась с радикального обеднения значительной части жителей страны. По оценке Мирового банка, между 1988–1889 и 1992–1993 гг. число бедных выросло с 2,2 до 74 млн человек (50% населения России) [12]. Так что формирование современного неравенства началось с потери доходов как рабочих (от безработицы), так и госслужащих (обесценение зарплат) — снизу. При этом медианный реальный доход в России снижался, а число бедных жителей страны возросло.

Растущее число миллиардеров в мире также свидетельствует об увеличении неравенства. При этом данная тенденция характерна не только для развитых стран. Неравенство продолжает расти в большинстве стран мира — в том числе в России и Китае. Тенденцию к снижению неравенства демонстрируют последние 20 лет некоторые страны Азии (например, Таиланд и Малайзия). Благодаря политике этих стран, неравенство в них снижается по мере ускорения экономического роста. Однако эти и ряд других стали исключением из общей тенденции увеличения неравенства — как по доходам, так и по богатству. Прогрессирующее число миллионеров-миллиардеров в Китае или

США вряд ли удивляет. А вот «прорыв» российских олигархов и численно, и по богатству на верх мировых таблиц — это не результат создания нового хай-тека и не наследственные богатства магнатов угля-стали-автомобилей эпохи индустриализации. В российском случае речь идет преимущественно о трех эффектах: приватизация крупной советской промышленности, факторе нефтегазовой индустрии и банковской сферы. Заметим, что в стране нет массового акционера крупнейших компаний, так что индивидуальным собственникам принадлежат чрезвычайно высокие (по мировым меркам) доли акций. С точки зрения нашего предмета «олигархи» растянули неравенство до предела, возможного для среднеразвитой страны. Сформировав свои состояния в 1990-х гг., нувориши получили огромные «приватизационные выигрыши» позднее. А рядом с ними сложился редчайший случай бедности у образованного населения.

Заметим, что сужение числа процветающих сфер хозяйства в период трансформации при высоком уровне образования и переключении крупных компаний на покупки западных технологий вынудило «интеллектуальную эмиграцию» образованных людей — самая большая потеря за прошедшую четверть века. А это, в свою очередь, сжало перспективы для выравнивания доходов в середине социальной лестницы.

К началу XXI в. российское общество сформировалось — далее мы увидим, что оно не сильно изменилось с тех пор. Сверху — олигархи и менеджеры госкомпаний, потом смесь приватизированного и нового бизнеса — мало исследованная территория в пределах 1–2% собственников от размеров населения. Статистически они плохо выделяются, хотя, по мировым оценкам, им принадлежит 86% «финансового богатства» (источники учитывают владение акциями и финансовыми инструментами). Для сравнения, доля богатства, которой владеет верхний дециль в России (фактически 1%) — также 86%, в Бразилии — 73%, в США — 75%, в Великобритании — 54% [13]. Разумеется, выделить собственников статистически сложно — они «растворены» в 10-м дециле. На другом конце общества — бедные, часть населения, у которой доходы ниже прожиточного минимума [14]. Исследования показывают, что в целом уровень бедности сократился к 2013 г. до 10% и вновь вырос до 15% в результате рецессии 2015 г. [15].

Между наиболее богатыми и бедными остается огромное пространство — категории граждан, по которым нет четкого классификационного реше-

Схема шкалы стратификации

Источник: Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации, 2015. № 3 (27). С. 118.

ния — идет дискуссия. Страты среднего класса — или «средние классы», по определению Т.М. Малевой, охватывают около 20,7% населения на начало 2000-х гг. [16]. Авторы исходят из распространенной классификации, по которой общество разделяют на следующие 7 структурных компонентов: два слоя нижнего, три слоя среднего класса и два слоя верхнего класса [17].

Т.М. Малева с коллегами в монографии 2003 г. привели структуру общества и указали на различие протосреднего класса (обладающего необходимым уровнем образования и другими признаками для перехода в будущем к среднему классу) и обычного среднего класса. Такие определения различий классов в период начавшегося экономического подъема исходили из надежды на то, что экономический рост превратит протосредний класс в обычный средний класс [16]. Согласно такой структуре протосредний класс в нашей стране на рубеже веков составлял практически половину от всего населения страны. Фактически как мы теперь понимаем, экономический рост не привел к сокращению неравенства, изменению структуры и превращению протосреднего класса в средний. Так что мы полагаем возможным считать «протосредний класс» нижним средним классом в России. Но в силу специфики страны, в частности высокого образования в СССР, этот нижний класс обладает рядом признаков «среднего среднего». Это сочетание высокого образования и низких доходов, ригидности социальной структуры после выхода из 1990-х гг. имеет значительные вытекающие из этого социально-политические и социально-экономические последствия.

В новых исследованиях Т.М. Малевой структура стала более развитой (см. рисунок). В рамках более

детализированного подхода, принимающего равную важность субъективного, материально-имущественного и социально-профессионального критериев среднего класса, «обобщенный средний класс» оказывается равным 21,9%, что близко к пятому квинтилю. Статистические данные показывают, что доля доходов верхнего 10-го дециля и верхнего 1% населения практически совпадает, что, по сути, означает, что в верхний дециль входит не только наиболее обеспеченная часть населения, но и верхний средний класс (или ядро). Соответственно, 1–2% высшего класса (собственников) и 8,1% «ядра среднего класса», обладающего всеми его признаками (которых мы бы считали «верхним средним классом»), оказываются примерно равны богатому 10-му децилю. А он «утоплен» в ограниченной доле населения страны — немного больше пятого квинтиля: от высшего класса до «среднего среднего» слоя по семизвенной классификации. Протосредний класс в настоящий момент составляет 16,5% населения [18]. Протосредний класс и постсредний класс (т.е. пенсионеры — неактивная и небогатая часть общества) вместе достигают впечатляющей доли в 32%. Но российские образованные пенсионеры легко проходят в состав среднего класса по многим признакам (в частности, по участию в электоральных процессах), но вряд ли по доходам. Так что, с точки зрения потребительской активности, воздействия на рост, поддержку малого и среднего бизнеса, на них рассчитывать трудно.

В целом из приведенной методологии (см. рисунок) в соотношении с квинтильным распределением доходов (табл. 2) можно сделать следующие выводы. По-прежнему большой вес протосреднего класса фактически подтверждает тезис о том, что

экономический рост не изменил за пятнадцать лет структуру общества сколько-нибудь кардинально — скорее средства анализа стали более тонкими. Верхние 21,9% вместе с 16,5% на *рисунке* как раз соответствуют 4–5 квинтилям по доходам, а 3-й квинтиль при этом тоже состоит из среднего класса, но по доходам «среднего среднего» или «нижнего среднего» слоев.

Постсредний и «базовый класс» оказываются в основном во 2–3 и даже в 1 квинтиле по доходам. У последнего нет шансов в ближайшие десятилетия выйти в средний класс по доходам и имуществу, хотя он вполне может приблизиться к протосреднему. Трактовка «базового класса» в терминах семизвенной структуры может быть двоякой — часть нижнего среднего или часть верхней страты нижнего класса. Бедные и часть «базового» класса соответствуют 1 квинтилю — мы бы предложили считать его низшим классом (строго по привычной классификации). Таким образом, более детальная классификация средних классов, по Т.М. Малевой с коллегами, дает интересный ракурс рассмотрения социальной структуры общества, если ее сравнивать с квинтильным распределением доходов.

Предложенная переклассификация структуры позволяет сравнивать наши социальные слои с другими странами, реалистично смотреть на ригидность данной структуры и проводить в социологии и политологии анализ объективных данных и опросы по стандартной классификации, накапливая знания о стратификации и поведении отдельных страт в социально-экономическом и политическом отношении.

С конца 1990-х гг. темп роста социального неравенства в России снизился, а его уровень с того времени лишь немного превышает аналогичный уровень в США и равен значению для Китая. Основной проблемой является тот факт, что в период быстрого подъема экономики России до кризиса 2008 г. структура неравенства по доходам фактически не изменилась, а после 2008 г. неравенство несколько увеличилось. Кризис 2008–2010 гг. не внес каких-либо заметных изменений в эту тенденцию в связи с тем, что новые формы собственности и экономические институты, сформировавшиеся после распада СССР, не способствуют снижению неравенства в стране. Социологи показывают, что для России характерно избыточное неравенство, которое тормозит темпы роста экономики нашей страны [19]. Если сравнивать параметры российского социального неравенства с неравенством стран мира,

то оно наиболее схоже с ситуацией стран Латинской Америки, в частности — Аргентины.

Неравенство в России — ригидность параметров

Неравенство по денежным доходам населения сформировалось за годы и меняется с тех пор незначительно (см. *табл. 2*). Доли квинтилей в распределении доходов фактически не изменились с 1999 г., равно как и структура распределения в целом. Очевидно, что денежные доходы при этом выросли: если в 2009 г. 45% населения получали доход 15 тыс. руб. и выше, то в 2015 г. верхние 45% населения были обеспечены доходом более 25 тыс. руб. в номинальном выражении.

Очевидно, что в данном контексте понятия «бедный» и «богатый», используемые для сравнительного анализа доходов населения, распределенного по 20%-ным доходным группам в разрезе регионов и федеральных округов, имеют относительное значение и отличаются от уровня бедности, измеряемого на основе текущего соотношения цен и доходов. Мы не можем в данной работе раскрывать также и региональные аспекты социальной структуры, но для экономики России характерно региональное неравенство. Средние доходы самого бедного в федеральном округе населения (т.е. населения, принадлежащего к первой 20%-ной доходной группе в бедном регионе) и самого богатого (принадлежащего к пятой 20%-ной доходной группе в богатом регионе) различаются в среднем в двадцать раз [15].

Только недавно международные организации, наконец (четверть века спустя), заметили проблему неравенства и тяжелых сдвигов в благосостоянии граждан Восточной и Центральной Европы в период трансформации. Тот факт, что до трети верхних социальных слоев прежнего общества оказались в его нижней части, теперь указывает на провалы в социальной трансформации, хотя около половины верхних слоев и осталась «наверху» [20]. Ригидность структуры и высокая социальная неравномерность имеет и субъективную оценку: по опросам ВЦИОМ, только 7% населения рассматривали свое положение как «выше среднего» в 1991 г. и 8% — в 2016 г., а «ниже среднего», соответственно 33% и 31% (остальные ответили — «среднее» или «не знаю»).

Заработная плата в Российской Федерации является ключевой компонентой денежных доходов населения. За последние 15 лет заработная плата по всем децилям (10%-ным группам) выросла, причем заработная плата у нижних децилей росла более чем

Таблица 2

Распределение денежных доходов населения России по 20%-ным группам, %, 1970–2015 гг.

	Доли 20%-ных групп населения, в %:				
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1970	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1999	6,0	10,5	14,8	21,1	47,6
2008	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2015	5,3	10,0	15,1	22,8	47,0

Источник: Росстат (данные за 1970–1990 гг. – РСФСР).

Таблица 3

Средняя заработная плата по 10%-ным группам работников, тыс. руб.

		2000	2006	2007	2009	2011	2013	2015
Всего:		2,3	9,8	12,5	18,3	22,3	29,5	33,8
В том числе по 10%-ным группам работников	Первая (с наименьшей заработной платой)	0,2	1,4	2	4,1	4,7	6,2	7,5
	Вторая	0,5	2,6	3,6	6	7,1	9,7	11,8
	Третья	0,8	3,8	5	7,9	9,5	12,9	15,4
	Четвертая	1	4,9	6,5	9,9	12	16,1	19
	Пятая	1,3	6,2	8,1	12	14,6	19,5	22,9
	Шестая	1,7	7,7	9,9	14,5	17,6	23,3	27,2
	Седьмая	2,2	9,4	12	17,5	21,3	28,3	32,6
	Восьмая	2,8	11,9	15	21,7	26,5	35,1	40
	Девятая	3,9	16	20,1	28,7	35	45,9	52,4
	Десятая (с наибольшей заработной платой)	8,2	34,6	43,3	60,6	75,1	97,6	109

Источник: Росстат.

в три раза быстрее заработной платы, чем у наиболее богатых (девятой и десятой) 10%-ных групп работников (табл. 3). Несмотря на это, неравенство доходов по абсолютным величинам увеличилось: в 2000 г. разрыв между зарплатой верхнего и нижнего дециля был равен 8 тыс. руб., а в 2015 г. — уже 101,5 тыс. руб. И очень заметен разрыв заработной платы у занятых 10-го и 9-го дециля — более чем вдвое на протяжении всего периода. Шкала заработной платы указывает, что 8–9 децили еще дают до-

ход, сопоставимый с логикой включения в «средний средний» слой по семизвенной классификации, или по классификации Т.М. Малевой, — в «обобщенный» средний и протосредний класс.

Очевидно, что экономический рост сам по себе не приносит выравнивания социальных слоев. В данном случае дело, разумеется, не в ЦУР ООН, а в глубокой потребности самого общества и экономики. Ригидность социальной структуры после трансформации 1990-х гг. была очевидна, что зафик-

сировано по итогам большого подъема в экономике России 2000–2007 гг. [20]. Общие рекомендации Целей устойчивого развития ООН вполне относятся к странам со средним уровнем развития, тем более к России, «получившей» мировую прессу по теме олигархического капитализма. Российские граждане — с их высоким образованием и доступом к Интернету — вполне осознают специфику своего положения, ограниченность социальных лифтов в стране. Но пока вопрос о сокращении неравенства после трансформации практически не ставился ни правительством, ни программами реформ.

Неравенство в структуре личного потребления в России

Личное потребление в России отражает довольно высокую стадию экономического развития, намного выше большинства стран, для которых предназначены такие ЦУР, как борьба с голодом. Но агрегированные показатели скрывают «латиноамериканское» социальное неравенство: высокое потребление товаров длительного пользования богатыми и высокую долю потребления продовольствия небогатыми. Развитие нынешней модели потребления в перспективе могло бы основываться на постепенном повышении доли платных услуг ближе к показателям развитых стран. Это дало бы возможность исключить скрытое субсидирование богатых, сохраняя доступность (бесплатность или дешевизну, социальную помощь бедным) к услугам в нижних слоях общества (или же только бедным) [15].

Расширение социальных слоев выше определенного уровня доходов (медианного дохода при его постоянном росте) должно привести к снижению доли продовольствия в расходах небогатых слоев и снижению доли продовольствия в покупках всех домашних хозяйств, которая опять подскочила в ходе кризиса 2015 г.

Структура личного потребления существенно отличается в крупнейших экономиках мира, при этом Россия выделяется очень низкой долей услуг — ниже не только развитых стран, но и своих партнеров по БРИКС. Обычно такие показатели отражают четыре фактора:

- неразвитость предложения и дороговизну услуг (нацеленных на состоятельные слои);
- ограниченный спрос в связи с попытками сэкономить на услугах ради покупок товаров;
- высокую долю государственных (бесплатных) услуг;

- высокую долю теневого сектора в услугах (транспорт, образование, здравоохранение), не учитываемого статистикой.

То, что у России через четверть века реформ остается только 38% платных услуг в потреблении (против 53 и 54% у развивающихся и развитых стран соответственно), говорит о незавершенной трансформации сферы потребления в России.

Личное потребление в России интенсивно росло на протяжении десяти лет, которым соответствует период высоких нефтяных цен (2005–2014 гг.) — тут и сформировалась довольно устойчивая структура расходов. Доля товаров длительного пользования в покупках достигла максимума в 2008 г. (15,5%), в результате кризиса упала до 12,5% (по итогам 2009 г.), к 2014 г. восстановилась до 14,5%, а в ходе текущего кризиса упала в 2015 г. до 13,8%. При этом стоит отметить, что за пять лет высокой нефтяной ренты произошло значительное перевооружение домашних хозяйств: компьютеры, Интернет, автомобили и пр.

При сопоставлении с другими странами видно, что в России одна из самых высоких в мире долей покупок бытового оборудования, мебели, средств транспорта, связи и информации. Именно снижение покупок товаров длительного пользования берет на себя большую часть колебаний, связанных с падением цен на нефть и (или) спадом производства. Но одновременно важно именно то, что население страны, обладая достаточно высоким образованием, информированностью и готовностью следовать мировым тенденциям потребления и информатизации, вложило колоссальные средства за 2005–2014 гг. в те виды покупок, которые делают жизнь более полноценной, повышают мобильность, доступ к информации [21].

Снижение реальных доходов населения России вызывает в условиях спадов еще большее сжатие расходов в силу включения «защитной» модели потребительского поведения. Розничные продажи и продовольствия, и непродовольственных товаров в 2015 г. сильнее всего упали в столичных регионах, а также во всех развитых регионах. Хотя страна в целом и ведущие регионы по своему типу потребления близки к среднеразвитым странам мира, в менее развитых регионах можно видеть многие черты стран с низким среднедушевым доходом.

Различные категории расходов реагируют на кризис неоднородно. Наибольшему спаду подвергаются, как обычно в кризисных ситуациях, дискреционные расходы [22], а доля продовольствия в покупках растет, особенно у бедных слоев населения. Структура

розничных продаж изменилась и внутри отдельных товарных групп. Социальное неравенство имеет тесную взаимосвязь с потребительскими расходами. Неравенство по доходам оценивается с помощью количества товаров и услуг, которые можно приобрести на этот доход. Уровень и структура потребления зависит от занимаемой домохозяйством позиции в системе социального неравенства. Это касается как продовольственных и непродовольственных товаров, так и платных услуг, которые в большей степени отражают социальную структуру.

Росстат ежеквартально проводит выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств, которое охватывает 48 тыс. семей по всей России. Итоговые данные обследования публикуются в том числе в разбивке по 10%-ным (децилям) и 20%-ным (квинтилям) группам населения, ранжированным по уровню дохода.

В денежном эквиваленте домохозяйства из пятого квинтиля тратят на образовательные услуги выше среднего, но доля расходов на эти услуги у них самая низкая (около 4% в 2016 г.). Это может быть связано с тем, что в выборочном обследовании бюджетов домашних хозяйств не учитывается оплата образовательных услуг за границей, которыми пользуются наиболее обеспеченные слои населения. Расходы на образование занимают большую часть общих расходов на услуги у четвертого и отчасти третьего квинтилей: в 2012 г. их доля составляла около 9%, а к III кварталу 2016 г. снизилась до 6%, почти сравнявшись с аналогичным показателем для 1 и 2 квинтилей, что, по-видимому, стало защитной реакцией на падение доходов.

Расходы на медицинские услуги и услуги учреждений культуры схожи по своей динамике и распределению по двадцати процентным группам. Основными потребителями медицинских услуг и услуг учреждений культуры являются представители четвертого и пятого квинтилей, так как именно у них есть средства на платные медицинские услуги более высокого качества при наличии государственной бесплатной медицины, а также на дополнительные развлечения (услуги учреждений культуры). Доля расходов на медицинские услуги и культуру для первых двух квинтилей стабильна и составляет около 2–5%. При этом доля пятого квинтиля в расходах на медицину в среднем за три квартала 2016 г. составила 6%, а на услуги учреждений культуры — 20%. Прослеживаются три разных типа распределения расходов на ключевые виды услуг по группам населения:

- с максимумом доли расходов у бедных слоев населения на ЖКХ и связь;
- с максимумом у средних слоев населения на транспорт и образование;
- с максимумом у состоятельных слоев населения на культурные цели, рекреацию и медицину.

Финансовое положение домохозяйств согласно их опросам

В 2016 г. проводился опрос по квинтильным группам. Респонденты отвечали на вопрос: «В какой валюте Вы храните свои сбережения?» Представители наиболее состоятельного 5-го квинтиля имеют больше всего сбережений и хранят их в разных валютах: в рублях — 71% опрошенных, в долларах — 8%, в евро — 5%. (табл. 4). Эти показатели заметно превышают средние показатели по населению в целом (60, 3 и 1% соответственно), особенно в отношении валютных сбережений. При этом, согласно опросу, 21% опрошенных представителей 5-го квинтиля не имеет сбережений, что свидетельствует о субъективности оценки собственного финансового положения и различиях в объеме денежных средств, который оценивается различными категориями населения как достаточный, чтобы рассматриваться в качестве сбережений. Но 36% населения в целом не имели сбережений.

Доля семей, которые могут позволить себе все необходимые покупки, растет с 0,6% у самого бедного 1-го квинтиля до 7,5% у 5-го квинтиля. По данным Росстата (табл. 5), об оценке домохозяйствами своего финансового положения, у 1,0% населения не хватает денег даже на еду, у 20,4% — хватает на еду, но не хватает на одежду и обязательные услуги, у 47,4% хватает на еду и одежду, но они не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования, еще 26,9% не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи, и только 3,1% населения полагает, что может позволить себе все.

Распределение домохозяйств по оценке своего финансового положения существенно различается по 20%-ным группам по уровню доходов: рост благосостояния снижает долю индивидов, которые не могут приобрести те или иные товары. Доля домохозяйств, которым не хватает денег на еду, достигает максимума у самого бедного 1-го квинтиля (3,1%) и снижается с ростом уровня доходов домохозяйств (т.е. с увеличением номеров квинтилей). Товары длительного пользования (ТДП) могут, по собствен-

Таблица 4

Опрос по квинтильным группам (нумерация в порядке возрастания доходов), 25.12.2016 г., % опрошенных

	Все население	Квинтили				
		1	2	3	4	5
В рублях	60	51	57	59	70	71
В долларах	3	1	2	3	2	8
В евро	1	1	0	1	1	5
В другой валюте	0	0	0	1	0	1
Нет сбережений	36	48	42	38	28	21
Затрудняюсь ответить	1	0	1	0	1	1
Сумма по строкам	101	101	102	102	102	107

Источник: ВЦИОМ.

Таблица 5

Распределение домашних хозяйств по оценке своего финансового положения (нумерация в порядке возрастания доходов), средние за I–IV квартал 2016 г, %

	Все население	Квинтили				
		1	2	3	4	5
Все домашние хозяйства	100	100	100	100	100	100
Не хватает денег даже на еду	1,0	3,1	1,2	0,8	0,5	0,3
Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	20,4	36,0	27,8	22,3	14,3	9,6
Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования	47,4	50,4	54,8	54,0	49,9	32,9
Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи	26,9	9,3	14,7	20,8	31,1	47,5
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	3,1	0,6	1,0	1,5	3,1	7,5
Затруднились ответить	1,2	0,6	0,6	0,8	1,2	2,3
Средний валовой доход, тыс. руб./чел. в домохозяйстве месяц	26,4	8,0	13,3	18,7	28,3	63,8

Источник: Росстат.

ному мнению, купить лишь 9,9% представителей 1-го квинтиля, зато в 5-м квинтиле этот показатель достигает 55%. Доля семей, которые могут позволить себе все необходимые покупки, растет с 0,6% у 1-го квинтиля до 7,5% у 5-го квинтиля.

Важно отметить субъективность оценки ситуации самими респондентами. Так, почти половина (0,3, 9,6 и 32,9%) представителей самого богатого 5-го квинтиля считают, что не могут позволить себе покупку ТДП. Речь, по всей видимости, идет о совершенно

других, нежели в ответах представителей более бедных квинтилей, товарах по качеству и стоимости. Тем более это относится к домохозяйствам, которые могут купить ТДП, но не могут позволить себе «покупку автомобиля, квартиры, дачи», — удельный вес таких семей в 5-м квинтиле составляет 47,5%. При этом семьи 5-го квинтиля, видимо, не берут кредиты для реализации своих потребностей, что отчасти отражает высокие проценты по кредитам в России. Выбранный семьями образ финансового поведения влияет на общее состояние банковской системы, испытывающей нехватку спроса на кредиты, а также на динамику рынков ТДП, объектов недвижимости и автомобилей.

Выводы и проблема «ловушек» развития

Статистический анализ показывает отрыв 10-го дециля и 5 квинтиля в России от остальной массы семей, как по зарплате, так и по доходам, структура неравенства по доходам практически не меняется в условиях роста после его формирования к 2000 г. Доля богатейшей группы в 1% во владении финансовыми активами за два десятилетия трансформации обогнала ведущие страны мира. Пример Бразилии, России и других стран показывает, что нет одной какой-то «ловушки», которую надо преодолеть и перейти в устойчивое постиндустриальное общество. Фактически есть цепь ловушек, в которой важную роль играют проблемы, связанные с неравенством.

В целом Россия — как и Бразилия — находится в ловушке среднего уровня развития, в которой развивающаяся страна достигает некоторого уровня душевого дохода и «застраивает» на нем, что, в частности, связано с ростом потребления за счет импортных товаров из-за недостаточной производительности собственной промышленности [5]. Как мы показали, страны со средним уровнем развития проходят не одну определенную ловушку, а некую последовательность, в которой неравенство оказывается важным «бутылочным горлышком» для роста спроса, борьбы с коррупцией и укрепления демократии. Выход из ловушек возможен через рост внутреннего спроса за счет вложений капитала внутренними инвесторами, что упирается в необходимость развития институциональной среды и другую ловушку — недоверия внутренних инвесторов и бизнеса (невзирая на улучшение оценочных показателей по инвестиционному климату).

Россия также близка к попаданию в ловушку «привычки к низкому росту» — через низкие ожидания при принятии решений на уровне фирм (инвестиции), программ в сфере науки и образования (бюджетные ограничения), семей (низкие покупки товаров длительного пользования), снижение перспектив карьеры (толчок к эмиграции — ловушка «утечки умов»). При этом в случае увеличения расходов бюджета за счет роста дефицита или «дешевых» денег велики риски роста инфляции, появления дорогостоящего по обслуживанию долга, а также развития в перспективе долгового и бюджетного кризиса. России важно не привыкнуть к стагнации и продолжать реформы, программы развития, внедрение инноваций и т.п.

Большинство ловушек характерно для развивающихся стран просто в силу самого догоняющего характера их развития. В частности, важно выравнивание доходов через повышение производительности средних и нижних слоев занятых, а не просто через перераспределение доходов. У России есть еще ловушка, связанная со специфическими эффектами наличия массива высокодоходных природных ресурсов, приносящих большие экспортные доходы, которая приводит к «голландской болезни». Страны, которые имели хорошие правовые и экономические институты до значительного повышения сырьевых цен, справились с «ресурсным проклятием», а вот формирование качественных институтов после роста цен на энергоносители для развивающихся или трансформирующихся стран оказалось весьма затруднительным.

Учтем также проблему восприятия своего общества, образа жизни в понятийном аппарате «равенство шансов — справедливость». По мере развития обществ с христианско-европейскими корнями, преодоления бедности и расширения среднего (креативного) класса, обеспечивающего инновации, эти вопросы становятся важными. Заметим, что высокие внешние оценки российских реформ, включая приватизацию, вполне уживаются с критикой нынешнего состояния российского общества с высочайшим неравенством по доходам и богатству, сделавшему прыжок из квазиэгалитарного советского общества к «аргентинскому» за одно десятилетие.

Для снижения социального неравенства России необходимо избегать ситуаций, в которые различные страны попадали на пути своего развития под действием затрудняющих экономический

рост факторов или их совокупностей — ловушек развития. Разумеется, это нелегкая задача для России — с огромным социальным неравенством регионов. Но такую задачу пора ставить, поскольку в долгосрочном плане высокое неравенство тормозит рост, обостряет распределительные конфликты в России, оказавшейся среди стран с чрезвычайно

высоким неравенством. Рано или поздно, но в системе целей стратегических программ для России должны появиться не только и не столько меры решения текущих проблем роста экономики, но цели, связанные с постепенным изменением социальной структуры — от «латиноамериканской» к «европейской».

Литература

1. Григорьев Л. М. 500 дней — на революцию сознания? // ЭКО. 2010. № 10. С. 6–20.
2. Григорьев Л. М., Плаксин С. М., Салихов М. Р. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 25–43.
3. Григорьев Л. М. Экономика переходных процессов. М.: МУМ, 2010. Т. 1. С. 479–524.
4. Kuznets S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. No. 1. P. 1–28.
5. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Бразилия: в ловушке среднего уровня развития // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 28–37.
6. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy // WorldBank Regional and Sectoral Studies, 1998. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/229251468767984676/pdf/multi-page.pdf>.
7. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2016.
8. OECD. Income Inequality and Poverty. Available at: <http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>.
9. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
10. Медведев Д. А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30.
11. Grigoryev L. Russia in the System of Global Economic Relations // Russia in Global Affairs. 2016, pp. 498–512.
12. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/229251468767984676/pdf/multi-page.pdf>.
13. Rajan R., Zingales L. Saving Capitalism from the Capitalists. Princeton: Princeton University Press, 2004. 369 p.
14. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография / под ред. Т. М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.
15. Малева Т., Гришина Е. Ликвидация нищеты — мировая цель, которая важна и для России. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2016.
16. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. М. Малевой. Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003.
17. Григорьев Л. М., Салмина А. А., Кузина О. Е. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: Экон-Информ, 2009. С. 5–100.
18. Малева Т. М., Бурдяк А. Я., Тындик А. О. Социальная структура российского общества в зеркале демографии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 62–85.
19. Салмина А. Избыточное неравенство и развитие человеческого потенциала. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2014. С. 84–106.
20. Прогресс и риски: Неравенство и человеческое развитие в Восточной Европе, Турции и Центральной Азии. Доклад ПРООН. 2016.
21. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Социальное неравенство в мире и в России. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при Правительстве РФ. М., 2016.
22. Бюллетень социально-экономического кризиса в России [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/6157.pdf>.

References

1. Grigoriev L. M. 500 days — on the revolution of consciousness? [500 dnei — na revolyutsiyu soznaniya?]. *EKO* — *ECO*, 2010, no. 10, pp. 6–20 (in Russian).

2. Grigoriev L. M., Plaksin S. M., Salikhov M. R. Postcrisis structure of the economy and formation of coalitions for innovations [Postkrizisnaya struktura ekonomiki i formirovaniye koalitsiy dlya innovatsiy]. *Voprosy ekonomiki — Issues of economics*, 2008, no. 4, pp. 25–43 (in Russian).
3. Grigoriev L. M. Economics of transient processes [Ekonomika perekhodnykh protsessov]. Moscow, MUM, 2010, vol. 1, pp. 479–524 (in Russian).
4. Kuznets S. Economic growth and income inequality // *American Economic Review*, 1955, vol. 45, no. 1, pp. 1–28.
5. Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. Brazil: trapped in an average level of development [Braziliya: v lovushke srednego urovnya razvitiya]. *Mir novoy ekonomiki — The world of a new economy*, 2016, no. 2, pp. 28–37 (in Russian).
6. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy // WorldBank Regional and Sectoral Studies, 1998. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/229251468767984676/pdf/multi-page.pdf>.
7. Dz. Stiglitz. The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future [Tsena neravenstva. Chem rassloyneniye obshchestva grozit nashemu budushchemu]. Moscow, Jeksmo, 2016 (in Russian).
8. OECD. Income Inequality and Poverty. Available at: <http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>.
9. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
10. Medvedev D. A. Socio-economic development of Russia: finding new dynamics [Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Rossii: obretneniye novoy dinamiki]. *Voprosy ekonomiki — Issues of economics*, 2016, no. 10, pp. 5–30 (in Russian).
11. Grigoryev L. Russia in the System of Global Economic Relations // *Russia in Global Affairs*, 2016, pp. 498–512.
12. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/229251468767984676/pdf/multi-page.pdf>.
13. Rajan R., Zingales L. Saving Capitalism from the Capitalists. Princeton, Princeton University Press, 2004.
14. Poverty: alternative approaches to definition and measurement: Collective monograph [Bednost': al'ternativnyye podkhody k opredeleniyu i izmereniyu: kollektivnaya monografiya] / ed. T. M. Maleva. Moscow, Moscow Centre Carnegie, 1998 (in Russian).
15. Maleva T. M., Grishina E. E.. Eradication of poverty is a global goal that is important for Russia. Human Development Report in the Russian Federation [Likvidatsiya nishchety — mirovaya tsel', kotoraya vazhna i dlya Rossii. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii]. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2016 (in Russian).
16. Middle classes in Russia: economic and social strategies [Sredniye klassy v Rossii: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye strategii] / ed. T. M. Maleva. The Moscow Carnegie Center. Moscow, Gendalf, 2003 (in Russian).
17. Grigoriev L. M., Salmina A. A., Kuzina O. E. The Russian middle class: analysis of structure and financial behavior [Rossiyskiy sredniy klass: analiz struktury i finansovogo povedeniya]. Moscow, Ekon-Inform, 2009, pp. 5–100 (in Russian).
18. Maleva T. M., Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. Social Structure of Russian Society in the Mirror of Demography [Sotsial'naya struktura rossiyskogo obshchestva v zerkale demografii]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii — Journal of the New Economic Association*, no. 4 (32), pp. 62–85 (in Russian).
19. Salmina A. Excessive inequality and development of human potential. Report on Human Development in the Russian Federation [Izbytochnoye neravenstvo i razvitiye chelovecheskogo potentsiala. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii]. Analytical Center under the Government of the Russian Federation, Moscow, 2014 (in Russian).
20. Progress and Risks: Inequality and Human Development in Eastern Europe, Turkey and Central Asia. UNDP Report [Progress i riski: Neravenstvo i chelovecheskoye razvitiye v Vostochnoy Yevrope, Turtsii i Tsentral'noy Azii. Doklad PROON], 2016 (in Russian).
21. Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A. Social inequality in the world and in Russia. Human Development Report in the Russian Federation [Sotsial'noye neravenstvo v mire i v Rossii. «Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii». Analytical Center under the Government of the Russian Federation, Moscow, 2016 (in Russian).
22. Bulletin of the social and economic crisis in Russia [Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii]. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/6157.pdf> (in Russian).

